

Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»

<https://ilj-journal.ru>

2025, Том 8, № 8 / 2025, Vol. 8, Iss. 8 <https://ilj-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки)

УДК 340.11

Онтолого-ориентированный нейросимволический искусственный интеллект как лакмусовая бумага общефилософских проблем в правоприменении систем ИИ

¹Маковская П.Н.,

¹Ростовская областная Коллегия адвокатов «Бизнес и право»

Аннотация: статья посвящена рассмотрению проблем, свойственных любым системам искусственного интеллекта в сфере правоприменения, на примере использования систем онтолого-ориентированного нейросимволического искусственного интеллекта. Обсуждается методология коллаборативной поддержки принятия решений, неизбежным недостатком которой является сложность представления экспертом своих знаний в символьной форме. Рассматриваются изъяны статистического способа обработки информации, при котором невозможна реализация юридически значимого контекстного ситуативного решения. Делается вывод о фундаментальности и неустранимости описанных проблем искусственного интеллекта при любой, даже оптимизированной архитектуре построения комплексной системы.

Ключевые слова: искусственный интеллект, нейросимволический искусственный интеллект, символьный искусственный интеллект, коллаборативная поддержка принятия решений, правоприменение, онтолого-ориентированная система

Для цитирования: Маковская П.Н. Онтолого-ориентированный нейросимволический искусственный интеллект как лакмусовая бумага общефилософских проблем в правоприменении систем ИИ // International Law Journal. 2025. Том 8. № 8. С. 302 – 311.

Поступила в редакцию: 15 сентября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 12 ноября 2025 г.; Принята к публикации: 16 декабря 2025 г.

Ontology-oriented neurosymbolic artificial intelligence as a litmus paper of general philosophical problems in the law enforcement of AI systems

¹Makovskaya P.N.,

¹Rostov regional Collegium of advocates «Business and Law»

Abstract: the article is devoted to the consideration of problems inherent in any artificial intelligence systems in the field of law enforcement, using the example of the use of ontology-oriented neuro-symbolic artificial intelligence systems. The methodology of collaborative decision support is discussed, the inevitable drawback of which is the complexity of an expert's representation of their knowledge in symbolic form. The shortcomings of the statistical method of information processing are considered, which makes it impossible to implement a legally significant contextual situational decision. It is concluded that the described problems of artificial intelligence are fundamental and unsolvable, even in an optimized architecture for building a complex system.

Keywords: artificial intelligence, neuro-symbolic artificial intelligence, symbolic artificial intelligence, collaborative decision support, law enforcement, ontology-based system

For citation: Makovskaya P.N. Ontology-oriented neurosymbolic artificial intelligence as a litmus paper of general philosophical problems in the law enforcement of ai systems. International Law Journal. 2025. 8 (8). P. 302 – 311.

The article was submitted: September 15, 2025; Approved after reviewing: November 12, 2025; Accepted for publication: December 16, 2025.

Введение

В настоящее время существуют два основных подхода к организации систем искусственного интеллекта: нейросетевой и символичный. При этом каждый из них обладает своими характерными достоинствами и недостатками. В работе [1] отмечается, что нейросетевой подход отличается отсутствием необходимости в обеспечении так называемой инженерии знаний, однако он требует весьма большого массива обучающих данных и характеризуется низкой интерпретируемостью результатов. Символичный подход отличается относительно высокой интерпретируемостью результатов ИИ, но он требует достаточно высоких затрат на обеспечение инженерии знаний [1].

Ожидается, что интеграция этих подходов в единой комбинированной системе ИИ, называемой нейро-символическим ИИ (англ. *neuro-symbolic AI*), позволит сгладить недостатки, присущие каждому из подходов. Так, в работе [2] делается вывод о перспективности такой архитектуры для юридических приложений, поскольку нейросимволический ИИ якобы можно в буквальном смысле «заставить» следовать уже существующим правилам, принятым в законодательстве.

Не отвергая того факта, что системы нейросимволического ИИ (НСИИ), действительно, обладают достоинствами обоих подходов (нейросетевого и символического) к созданию ИИ, следует обратить внимание на то, что НСИИ даже в их оптимизированном варианте обладают неустраняемыми недостатками. Целью настоящего исследования является рассмотрение с общеправовых позиций тех фундаментальных ограничений, которые присущи любому искусственному интеллекту, даже при воплощении его в такой «продвинутой» гибридной архитектуре.

Материалы и методы исследований

Исследование опирается на комплексный междисциплинарный подход, сочетающий в себе теоретико-философский, формально-юридический и системный методы анализа. Научная обоснованность достигается за счет привлечения, анализа и контекстуального использования материалов академических публикаций и современных исследований.

Результаты и обсуждения

В статье [3] рассматривается онтолого-ориентированный подход к построению систем ИИ, где под онтологией понимается формализованное представление проблемной области, что по существу может быть интерпретировано как передача знаний от человека к агенту ИИ (*AI agent*). Агент ИИ в соответствии с определением, содержащимся в ГОСТ Р 71476-2024 «Искусственный интеллект. Концепции и терминология искусственного интеллекта» – это автоматический объект, который воспринимает свое окружение, реагирует на него, а также предпринимает действия для достижения своих целей. В работе [3], посвященной методологии коллаборативной поддержки принятия решений, отмечается, что зачастую эксперту-человеку очень трудно в символическом виде описать свои знания, особенно если те получены опытным путем. Это позволяет утверждать, что далеко не все знания человеческого сознания «считываются» из окружающей действительности, хранит и извлекает из памяти в формализованном виде.

Если задуматься, то стоит признать, что вообще существенно меньшая их часть даже тем человеком, который является признанным экспертом в своей области, может быть выражена для внешней обучаемой системы в виде формул или символов, особенно если предметная область предполагает использование оценочных понятий. Приведем понятный бытовой пример: практически любая хозяйка знает, когда нужно доставать из духовки запеченное мясо (с корочкой, но при этом сочное; готовое, но не пережаренное), однако попытка описать это на строгом языке формальных понятий явно обречена на неудачу. В юридической сфере такими непреодолимыми препятствиями при передаче знаний от эксперта к обучаемой системе являются общие правовые понятия типа «разумный срок», «добросовестность», «должная осмотрительность» и им подобные [4]. В работе [3] по этому поводу сделано справедливое замечание: для того, чтобы применение НСИИ было эффективным, должна существовать принципиальная возможность сформировать решение задачи (в нашем случае, юридически значимое решение некоторой ситуации) как задачи именно символической, то есть, должен существовать адекватный набор символов, чтобы целевая переменная могла быть выражена с их помощью. Очевидно, что символическое описание судебного усмотрения, как и ряда иных ас-

пектов (замысел законодателя, дух закона, обычаи делового оборота, неписаное право и т.д.), представляет собой чрезвычайно сложную проблему (если такое описание вообще возможно).

Таким образом, несмотря на включение в состав НСИИ формальной онтолого-ориентированной подсистемы (символьного ИИ), интегральные свойства комплексной системы вновь приводят нас к необходимости использования субсимвольной (то есть, нейросетевой) обработки с ее изъянами в виде низкой релевантности и возможностью галлюцинаций.

Так, в работе [3] отмечается, что «любой подход к достижению объяснимости исходит из того, что на некотором уровне абстракции уже не требуется дальнейших объяснений», то есть, начиная с некоторого уровня начинают работать символично-формализованные методы. Однако, достижение данного уровня происходит при переходе от «сырых» данных к обобщающим символам нейросетевым методом, и, таким образом, получается, что весь строгий формализованный аппарат комбинированной нейросимволической сети стоит на непрочном фундаменте из нейросетевого «песка».

Архитектура комбинированных систем, которые объединяют в себе подсистемы субсимвольных знаний (нейросетевые подсистемы) и символьных знаний (символьные подсистемы) рассмотрены во многих исследованиях, например, в статьях [3, 5, 6]. В соответствии с логикой, изложенной в статье [7], всего можно представить шесть типов архитектуры [5] таких НСИИ. В статье [3] представлено описание с некоторыми отличиями также шести типов архитектур НСИИ: локальная коннекционистская, распределенная нейронная, трансформационная, свободно связанная, жестко связанная, полностью интегрированная. Несмотря на определенные нюансы в классификациях различных авторов [3, 5], общим в описанных архитектурах, как и в большинстве онтолого-ориентированных методов, является допущение, что задача нейронной сети может быть разбита на две подзадачи [3]: 1) переход от многочисленных «сырых» наблюдений (данных) к понятиям (символам); 2) получение конечного результата посредством манипуляции с понятиями (символами).

Исследователями отмечается, что объясняемой частью для внешнего пользователя является именно символьная часть, то есть, вторая подзадача, а первая подзадача (переход к символам) считается не требующей объяснений [3]. Важным является то, что при этом первая подзадача (включающая статистическое накопление и формирование понятий) ассоциируется со способом индуктивного мышления человека, а вторая подзадача (обработка символов) – со способом дедуктивного мышления человека.

Оба способа мышления (индуктивный и дедуктивный), без сомнения, являются базовыми механизмами мышления для человека, а нетривиальные соотношения между этими способами мышления легли в основу известной в экономике теории перспектив Д. Канемана – А. Тверски [8], [9] и достаточно детально рассмотрены в книге [10]. Примечательно, что свою Нобелевскую премию Д. Канеман получил с формулировкой «за применение психологической методики в экономической науке, в особенности при исследовании формирования суждений и принятия решений в условиях неопределенности». В своей работе [10] Д. Канеман на основе открытий в области когнитивной и социальной психологии, выделяет в психике человека две системы: систему 1, которая работает быстро и автоматически, практически не требуя усилий от человека, и систему 2, которая требует внимания и сознательных умственных усилий, в том числе для реализации вычислений и логических построений типа «если – то».

Для нашего исследования важным являются особенности системы 1, отмеченные в книге [10], поскольку именно система 1 «запускает» работу системы 2, что применительно к тематике искусственного интеллекта является аналогией «поставки» нейросетевой подсистемой НСИИ базовых формализованных данных для вышестоящей символической подсистемы НСИИ. Рассмотрим лишь некоторые из таких особенностей.

В книге [10] рассмотрен феномен искажения истины за счет частых повторений некоторой ложной информации, поскольку ощущение чего-то знакомого мешает человеку делать истинное суждение. Очевидно, что это имеет прямое отношение к НСИИ: «шумовая» информация, частота повторения которой значительно превышает среднюю частоту повторения информации в потоке, будет формировать в нейросетевой подсистеме НСИИ некоторые символы, которые не имеют отношения к реальной действительности (и которые в итоге приведут к ошибкам при последующей обработке в символической подсистеме НСИИ).

Другим негативным эффектом, искажающим истинное представление об окружающей действительности, является целостность «истории», создаваемой системой 1, поскольку количество и качество данных, на которых эта история основана, имеют второстепенное значение. Естественно, что этот феномен также имеет свою аналогию в работе НСИИ: ошибочные или «шумовые» данные в случае их высокой связности способны привести к формированию несуществующих формальных символов и правил.

Еще одним негативным фактором, искажающим адекватное восприятие окружающей действительности, является склонность человека к каузальному (причинному) мышлению. В книге [10] приводится пример с полом детей, родившихся в больнице один за другим. Несмотря на то, что соответствующие события неза-

висимы и потому последовательность появления на свет мальчиков и девочек совершенно случайна, людям кажется, что последовательность М-Д-М-М-Д-М является более случайной и потому «правильной», нежели последовательность Д-Д-Д-Д-Д-Д. Понятно, что подобным изъясном обладает как символическая подсистема НСИИ, так и комплексный НСИИ в целом.

Естественно, что все негативные свойства НСИИ, подобные описанным выше, должны так или иначе демпфироваться применением естественного интеллекта человека-эксперта в составе единой человеко-машинной команды. В этом случае НСИИ вместо замены труда человека должен функционально дополнять человека в соответствии с ГОСТ Р 71476 – 2024 «Искусственный интеллект. Концепции и терминология искусственного интеллекта» (утвержден и введен в действие Приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 28 октября 2024 г. № 1550 – ст) [11]. Человеко-машинная команда, направленная на то, чтобы дополнять и расширять когнитивные возможности человека, называется системой «усиления интеллекта» (англ. *intelligence augmentation*).

С точки зрения организации взаимодействия между человеком и НСИИ, такие системы можно рассматривать как коллаборативные системы поддержки принятия решений [1, 3, 12]. В задачах правоприменения рациональные принципы реализации таких коллаборативных систем особенно важны на верхних уровнях, где в качестве НСИИ выступают R-FLAI или J-FLAI системы, описанные в работе [13].

Общими проблемами организации коллаборативных систем поддержки принятия решений являются: обеспечение интероперабельности (взаимопонимания) на уровнях от синтаксического до семантического; согласование различающихся позиций; обеспечение доверия между участниками такой коллаборативной системы [12].

Поскольку в любом случае, в такой коллаборативной системе поддержки принятия решений используется несколько видов взаимосвязанной информации, отражающей различные взгляды на проблему, целесообразным является использование аппарата мультиаспектных онтологий, обеспечивающих непротиворечивое представление информации с позиций различных аспектов конкретной юридической ситуации [14].

Отметим, что в общем случае методология коллаборативных систем предполагает, что человек-эксперт, входящий в состав такой системы, и конечный потребитель не обязательно являются одним и тем же человеком, то есть допускается, что некоторый человек – квалифицированный эксперт совместно с ИИ (в нашем случае, совместно с нейросимволическим ИИ) готовят решение задачи для некоторого стороннего пользователя, внешнего по отношению к этой коллаборативной системе.

В работе [12] описано пять типов взаимодействий ИИ-агентов с человеком: информирование, инициированное ИИ-агентом; запрос к ИИ-агенту, инициированный экспертом; ответ от ИИ-агента эксперту, не сопровождаемый объяснениями; объяснения ИИ-агента эксперту; обучение ИИ-агента экспертом.

В соответствии с указанными типами взаимодействий, можно выделить несколько групп [12] коллаборативных систем, но с практической точки зрения для нас наибольший интерес представляет такая организация, когда человек-эксперт, входящий в состав такой коллаборативной системы, одновременно является конечным пользователем, то есть, лицом принимающим решение в той или иной ситуации, требующей юридического решения.

С учетом того, что в настоящее время онтолого-ориентированный нейро-символический интеллект при коллаборативной поддержке принятия решений вполне обоснованно воспринимается как наиболее «продвинутое» решение, рассмотрим проблемы, связанные с его использованием как наиболее общие проблемы при использовании ИИ в правоприменении.

Помимо прочего, стремительное развитие средств ИИ и их проникновение в сферу правоприменения заставляют отдельно оценить влияние новых технологий на правовое мышление и правовое познание – важнейшие правовые категории гносеологического ряда.

Под правовым мышлением мы будем понимать «процесс активной интеллектуальной деятельности личности, высшую ступень отражения правовой действительности, связанные с выработкой правовых идей, понятий, убеждений и использованием правовых средств для разрешения различных правовых ситуаций в жизни либо формирования той или иной четкой позиции по отношению к принятому юридически значимому решению» [15].

При этом правовое мышление можно считать ядром интеллектуальной составляющей юридического познания. С этой точки зрения, оно представляет собой связанные с наличием проблемных ситуаций особого рода духовно-практические и познавательные-оценочные интеллектуальные операции, направленные на постановку определенных задач и решение насущных проблем в правовой сфере [16, 17].

Начальным пунктом и непосредственной причиной зарождения и циклического раскручивания процесса правового мышления является любая неопределенность (возможно, кажущаяся), возникшая в процессе теоретического познания или в жизненно-практическом функционировании индивида в социуме.

Важным в плане нашего исследования является следующий аспект: правовое мышление как сердцевина правового познания должно приводить, в итоге, к выявлению и принятию смысла понимаемого, что приводит, в свою очередь, к появлению контекста как самостоятельного умопостигаемого явления. Контекст всегда индивидуален, аксиологичен и динамично-неустойчив.

Можно сказать, что само порождение контекста и отношение к контексту определяет эффективность, качество правового мышления и правового познания. Если вне зависимости от ситуативных особенностей контекст не возникает (либо не отмечается и не понимается), то такое правовое мышление следует назвать неэффективным, вплоть до его вырожденного (остановленного) состояния.

Это связано с тем, что центральным и наиважнейшим для юридической эпистемологии является вопрос «интеллектуального процесса подведения общей нормы к частному случаю как творческой деятельности» [18].

При всей неопределенности и отсутствии общепринятых дефиниций ИИ, можно попытаться найти важные отличия интеллекта машины от интеллекта человека, что будет иметь значение для нашего исследования.

В исследовании [19] было выявлено четыре аспекта проблемы искусственного интеллекта, имеющих духовное измерение: сотворение «кумира» из технического средства; претензии на создание человекоподобных существ (что означает вторжение в Божию прерогативу); работа с инструментами повышенной опасности (подобных ножу, электричеству или атому); непредсказуемое развитие систем глобализации, способных привести к быстрой мировой катастрофе. Отметим, что в статье [19] системы ИИ названы по аналогии с известными медицинскими изделиями, средствами «протезирования» души, чтобы подчеркнуть их опасную близость с недопустимой подменой Бога.

При этом то обстоятельство, что средства ИИ именно *имитируют* работу мозга (а не *копируют* ее с той или иной степенью точности), имеет вполне явно выраженную техническую детерминированность: так, искусственные нейронные сети называют также коннекциями, чтобы подчеркнуть сходство их архитектуры со структурой мозга, без задачи имитировать с максимально возможной точностью химико-биологические процессы в мозге [20, 21].

Подражание внешней структуре мозга человека (а не мыслительным процессам) накладывает вполне определенные ограничения на работу ИИ и на возможности ИИ по обработке информации. В основе работы ИИ при любом способе машинного обучения, безотносительно того, использовались при обучении размеченные или неразмеченные данные, лежит накопление статистических данных, огромные массивы информации, тысячекратное повторение различных стимулов (с естественными вариациями для обеспечения устойчивости). Можно сказать, что обучение ИИ в этом смысле напоминает выработку условных рефлексов в известных опытах, которые проводил на собаках в начале XX века академик И.П. Павлов.

В статье [22] авторы приводят тринадцать функциональных свойств естественного (то есть, «человеческого») интеллекта, а именно: способность к выделению существенного в обозреваемых данных; порождение целеполагания, то есть последовательности «цель → план → действие»; отбор знаний, релевантных цели рассуждения; способность к рассуждению, т.е. к получению выводов (извлечению следствий) из посылок посредством как достоверных, так и правдоподобных рассуждений; способность к аргументации («за» и «против») и принятию решений на ее основе с использованием упорядоченных знаний (т.е. представления знаний) и результатов рассуждений; рефлексия, то есть, способность реагировать на свои знания и действия и их оценивать; способность к распознаванию явлений окружающего мира, при этом познающий субъект должен обладать познавательным любопытством; способность находить объяснение (не обязательно дедуктивное) как ответ на вопрос «почему?» (в том числе, реализуя абдуктивный инстинкт в смысле Ч. Пирса); реализация познавательной деятельности посредством синтеза познавательных процедур, образующих эвристику решения проблем и позволяющих обнаружить новое знание; способность к обучению и использованию памяти; рационализация неясных идей и преобразование их в точные понятия; способность к интеграции знаний и созданию целостной картины об исследуемой проблеме, для формирования концепции и теории проблемной области; адаптация системы знаний при получении новых сведений из окружающей среды и коррекция теории и поведения.

Естественно, что статистическое «миропонимание» и приобретенно-рефлексное «мироощущение» ИИ немедленно детерминирует свойства такого машинного «мозга».

Во-первых, обработка информации в ИИ идет вне контекста, на основе ранее инсталлированных в машину алгоритмов, которые не изменяются сообразно изменившейся внешней обстановке. Искусственному интеллекту присущ только бесконтекстный способ обработки информации, тогда как человеческому сознанию доступны еще контекстный способ и даже способ обработки, превосходящий контекст. Для последнего способа в работе [23] предложен термин «сверхконтекстный».

Автор настоящей статьи не считает термин «сверхконтекстный» особо удачным. В качестве альтернативы, мы предлагаем полагать, что человеку доступны постконтекстный способ обработки; предконтекстный способ (интуиция и предвидение) и даже контрконтекстный способ (действия в противоречии и наперекор обстоятельствам).

Особо следует остановиться на предконтекстном способе обработки информации, который в процессе правового познания мы привыкли называть интуицией. Французский философ Рене Декарт считал, что интеллектуальная интуиция представляет собой особый способ познания, при котором истина воспринимается напрямую и не требует доказательства [24]. Интуиция суть мгновенное, ясно различимое знание, которое невозможно подвергнуть сомнению, это способность разума непосредственно проникать в существо явлений и проблем и «схватывать» истины, не полагаясь на чувственное восприятие и не нуждаясь в последовательностном связно-логическом рассуждении.

Системы ИИ функционируют на основе выполненного обучения статистического характера и поиска корреляционных зависимостей, наличие которых позволяют им выявлять закономерности и принимать решения на основании вероятностных выводов. При этом системы ИИ не обладают внутренним представлением о ясности знания, «четкости» момента и не могут испытывать интуитивное осознание истины [24]. Их «понимание» ограничивается статистическими характеристиками обработанных массивов и алгоритмическими предписаниями, а не интуитивным постижением абстрактных принципов. Но статистическая обработка синтаксических единиц не порождает семантического (смыслового) понимания.

В статье [24] подчеркивается, что ключевым понятием учения Декарта об интуиции является безусловная «самоочевидность», которая коррелирует с понятием «здоровый смысл» в повседневной жизни. Любым системам ИИ не хватает житейского «здорового смысла», что делает их неспособными выявлять простые ошибки в решениях, которые были бы очевидны и наглядны для человека. При этом следует заметить, что термин «здоровый смысл» является однопорядковым с понятиями из ряда «общие правила», «устройство Мироздания» и «законы Божьи».

Новые системы ИИ (в частности, так называемые нейронные сети глубокого обучения) могут успешно проходить в оценке их «похожести» на человека не только тесты Тьюринга, но и посттьюринговые тесты, число которых превышает на данный момент более двух десятков (в координатах физический/виртуальный мир; вербальное/невербальное общение) [25]. Но при этом самостоятельная формулировка новых понятий-образов действительности и моделирование собственной картины мира являются недоступными для ИИ, при том, что такие мыслительно-познавательные обобщения являются привычными и естественными для человека.

Данное положение подтверждается экспериментальным исследованием [26], в котором оценивалась вариативность обыденной интерпретации юридических терминов (в процессе бытового правового познания) и их интерпретации искусственным интеллектом, а также соотношения способов интерпретации (толкования) юридических терминов человеком и искусственным интеллектом. Было установлено, что искусственный интеллект эффективно обрабатывает стандартизированные термины, однако испытывает трудности при толковании контекстуально зависимых или многозначных понятий. В то же время, было выявлено, что человек лучше справляется с интерпретацией сложных и абстрактных категорий благодаря способности учитывать внеязыковые факторы и ситуативные контексты [26].

Разница в юридическом «мышлении» человека и машины определяется тем, что мышление человека не есть процесс логических операций, а разум соответственно – не есть логика в чистом виде [20]. Реальный интеллект человека допускает вариативность толкования любой ситуации, что, очевидно, обеспечило его решающую эволюционную силу как механизма приспособления и выживания в сложном и малопонятном мире.

Достаточно часто в качестве аргумента против широкого использования ИИ (в судебном правоприменении, в частности), можно встретить утверждение, что мы, люди, не понимаем, как именно ИИ приходит к тому или иному выводу (то есть, решению по конкретному юридическому вопросу). Этот контраргумент широко распространен среди правоведов и кочует из одной статьи в другую. Но с таким же успехом большинство людей (особенно гуманитариев) могли бы сказать, что мы не понимаем, как работает двигатель внутреннего сгорания или как обычный калькулятор вычисляет, например, корень кубический из числа

двадцать семь. Но при этом мы активно пользуемся как автомобилями, так и калькуляторами: мы не делаем проблемы из указанного непонимания их функционирования.

Так какой же смысл вкладывается в слова о непонимании работы ИИ? Только ли дело в критичности правоприменения как той прикладной области, где мы рассматриваем использование ИИ?

На самом деле, когда мы говорим о непонимании работы ИИ, мы имеем в виду два обстоятельства, которые назовем фактором молчания и фактором времени.

Фактор молчания означает неспособность ИИ к диалогу с человеком по поводу сделанного им выбора, невозможностью пояснить свое решение, хотя человек-судья всегда может объяснить, какие обстоятельства и нюансы конкретного дела привели его к тому или иному решению.

Фактор времени означает, что для того, чтобы понять, адекватно ли ИИ отрабатывает данные, использованные для его обучения, необходимо затратить время, сопоставимое с тем временем, которое было затрачено на его обучение.

Таким образом, когда мы говорим, что не понимаем, как ИИ приходит к тому или иному решению, мы подразумеваем, что наше правовое познание обнаруживает две лакуны:

- невозможность усиления своей теоретической осведомленности о работе ИИ, ибо его функционирование и так достаточно полно описывается словами «накопление статистической информации об эталонных решениях, принятых судьями-людьми по большому массиву дел». Дополнение же этого основного принципа сведениями о конкретной реализации системы ИИ (схемотехника, язык программирования и др.) ничего не добавит в помощь лучшему пониманию его работы;

- невозможность быстрой оценки «правильности» работы ИИ (в отличие от того же калькулятора) как в силу отсутствия вообще «единственного правильного» ответа в судебной сфере, так и в силу нереально большого времени, которое требуется для полного тестирования ИИ.

Вообще, принцип именно статистической обработки обучающих данных обуславливает известную проблему галлюцинаций ИИ. В определенном смысле, если ИИ обучена на большом наборе, например, художественных текстов, в дальнейшем она способна правильно воспринимать книги с пропущенными буквами и даже словами в силу избыточности языка (см. выше). Но при этом, если вся информация, загруженная в ИИ, будет состоять, например, только из информации об А.С. Пушкине (поэт, историк, дуэлянт, друг декабристов, камер-юнкер и т.д.), то не стоит удивляться, что на вопрос, кто был первым космонавтом, ИИ уверенно ответит: Пушкин!

Именно поэтому христианская церковь видит среди опасностей неконтролируемого распространения систем ИИ для человечества ослабление волевой составляющей, увеличение стремления к комфорту и власти, раннюю деменцию, потерю подлинных личностных свойств, высших смыслов бытия и в итоге, «цифровой аутизм» [27].

«Человеческая личность, несводимая к своим телу и душе, но, одновременно, содержащая и превосходящая их, не может быть искусственно смоделирована с помощью сколь угодно тонких, но всегда природных схем. ИИ в богословском смысле безипостасен и неспособен к ипостасному объединению с другим интеллектом или с человеком. У ИИ отсутствует сознание и базовые личностные свойства – жертвенность, ответственность, свобода, он неспособен производить эмоциональную жизнь, сочувствие и молитву» [27].

Нужно отметить, что с точки зрения герменевтической философии, ИИ соединяет в себе два диаметрально противоположных понятия, ибо «искусственный» означает «ненастоящий», «взамен подлинного природного», «неискренний», а «интеллект» – способность к подлинному, «настоящему» восприятию, пониманию и объяснению мира. Дополнительную путаницу для русскоязычного научного сообщества создает прижившийся не совсем точный перевод с английского языка слова «intelligence», которое стоило бы переводить как «рассудитель», поскольку собственно «интеллект» в английском языке пишется как «intellect».

Ключевым в указанном определении является термин «объяснять». Один из авторов квантового компьютинга Дэвид Дойч в своем фундаментальном труде «Структура реальности» [28] именно способность давать объяснения считал главным признаком разумности и научного способа постижения действительности. Он говорил, что если бы человек захотел получить ультратехнологичный предсказатель любых процессов, то он с удивлением бы увидел, что этим ультратехнологичным предсказателем является окружающий его физический мир. Но, как отмечает Д. Дойч, этот самый физический мир не дает объяснений [28].

Отметим и еще один принципиальный изъян ИИ, который связан с абсолютной несхожестью человеческого организма (включающего совокупность мультимодальных сенсоров) и внебиологического «организма» ИИ. Об этом писал еще в 1990-х годах основоположник советской школы ИИ академик Г.С. Поспелов: «настоящий искусственный интеллект нуждается в одном серьезном требовании. Он должен не существо-

вать в виде программы, т.е. в чисто информационном состоянии, а каким-то образом иметь возможность воздействовать на окружающую среду и испытывать на себе ее поощрения и наказания» [29]. Автор настоящей статьи ни в коей мере не призывает к антропоморфизации систем ИИ, а только обращает внимание на неустранимый онтологический недостаток компьютерных систем, проявляющийся в ущербном восприятии ими внешнего мира.

Об этом говорит и Русская православная церковь. «Как правило, создатели искусственного интеллекта не придают значения телесности человека, стремясь в виртуальную реальность, но для православного богословия человеческая телесность всегда остается исключительно важной. Христианское мировоззрение признает онтологическую реальность творения и ценность физической реальности» [27].

Выводы

Выполненный анализ показывает наличие у НСИИ неустранимых недостатков, которые, как понятно с общепhilosophических позиций, свойственны любому ИИ, независимо от оптимизации его архитектуры.

Таким образом, и сегодня актуально звучат слова академика Г.С.Поспелова, который ставил когнитивные способности человека выше способностей ИИ, а сравнивая системы ИИ с инструментом, подобным пианино или скрипке, писал: «он может быть различного качества, может быть плохо или хорошо настроен, для него могут быть написаны хорошие или плохие музыкальные произведения и, наконец, на нем можно плохо или хорошо играть. Но это всегда не более чем инструмент, а не объект ... сопоставления с человеческим мозгом» [29].

Список источников

1. Смирнов А.В., Пономарев А.В., Шилов Н.Г., Левашова Т.В. Нейро-символический искусственный интеллект в коллаборативных системах поддержки принятия решений // Искусственный интеллект и принятие решений. 2022. № 3. С. 36 – 50.
2. Батурин Ю.М. Слабые места искусственного интеллекта и проблемы его использования в программе «правовая помощь» Министерства юстиции России // Правовая информатика. 2025. № 2. С. 10 – 15.
3. Шилов Н.Г., Пономарев А.В., Смирнов А.В. Анализ методов онтолого-ориентированного нейро-символического интеллекта при коллаборативной поддержке принятия решений // Информатика и автоматизация. 2023. № 3. С. 576 – 615.
4. Игнатенко В.В. Внеправовые особенности оценочных понятий в праве: теоретико-правовой подход // Философия права. 2025. № 2. С. 29 – 38.
5. Wang W., Yang Y., Wu F. Towards Data-and Knowledge-Driven AI: A Survey on Neuro-Symbolic Computing // IEEE Transactions on Pattern Analyses and Machine Intelligence, 2023, arXiv: 2210.15889v4.
6. Barnes E., Hutson J. Natural Language Processing and Neurosymbolic AI: The Role of Neural Networks with Knowledge-Guided Symbolic Approaches // DS Journal of Artificial Intelligence and Robotics. 2024. Issue 1. P. 1 – 13.
7. Kautz H.A. The Third AI Summer: AAAI Robert Englemore Memorial Lecture // AI Magazine. 2022. Vol. 43. No 1. P. 93 – 104.
8. Tversky A., Kahneman D. Advances in Prospect Theory: Cumulative Representation of Uncertainty // Journal of Risk and Uncertainty. 1992. No 4. P. 297 – 323.
9. Kahneman D. Maps of Bounded Rationality: Psychology for Behavioral Economics // American Economic Review. 2003. No. 5. P. 1449 – 1475.
10. Канеман Д. Думай медленно... решай быстро. М.: АСТ, 2014. 653 с.
11. ГОСТ Р 71476-2024 «Искусственный интеллект. Концепции и терминология искусственного интеллекта» (утвержден и введен в действие Приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 28 октября 2024 г. № 1550 – ст).
12. Смирнов А.В., Пономарев А.В., Шилов Н.Г., Левашова Т.В., Тесля Н.Н. Концепция построения коллаборативных систем поддержки принятия решений: подход и архитектура платформы // Информатика и автоматизация. 2024. № 4. С. 1139 – 1172.
13. Маковская П.Н. Принципы использования искусственного интеллекта в решении экономических споров: от советчика до «электронного судьи» // Евразийское пространство: экономика, право, общество, 2025. № 10. С. 85 – 90.
14. Smirnov A., Levashova T., Ponomarev A., Shilov N. Methodology for Multi-Aspect Ontology Development: Ontology for Decision Support Based on Human-Machine Collective Intelligence // IEEE Access. 2021. Vol. 9. P. 135167 – 135185.

15. Баранов П.П., Овчинников А.И. Место и роль правового мышления в духовном мире людей // Юристы – Правоведь. 2000. № 1. С. 7 – 16.
16. Боруленков Ю.П. Правовое мышление как интеллектуальная составляющая юридического познания // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2017. № 2. С. 6 – 41.
17. Боруленков Ю.П. Информационно-интерпретационная парадигма юридического познания // Российский журнал правовых исследований. 2016. № 2. С. 62 – 70.
18. Овчинников А.И., Хакимов И.А. Правоприменение, искусственный интеллект и контекстуальное значение принципов права // Юридическая техника. 2020. № 14. С. 481 – 484.
19. Моисеенко А. Искусственный интеллект: духовные вызовы // Богословско-исторический сборник, 2021. № 4. С. 28 – 36.
20. Толгуров Т.З., Бозиев А.Т., Край К.Ф. К проблеме имитации апперцептивных процессов системами искусственного интеллекта // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2022. № 5. С. 81 – 92.
21. Барышников П.Н. Коннекционистские модели сознания: чаши весов и пределы машинной имитации // Философские проблемы информационных технологий и киберпространства. 2020. № 2. С. 42 – 58.
22. Забейхайло М.И., Борисов В.В. Об интерпретациях понятия «искусственный интеллект» // Речевые технологии. 2022. № 1. С. 5 – 18.
23. Рыбин В.А., Денискин С.А. Феномен и понятие информации: опыт интерпретации на примере систем природы и культуры // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология, 2017. № 1. С. 5 – 13.
24. Введенская Е.В. Критика искусственного интеллекта: философская оптика // Технологос. 2025. № 1. С. 87 – 97.
25. Ефимов А.Р. Посттюринговая методология: разрушение стены на пути к общему искусственному интеллекту // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2020. № 2. С. 74 – 80.
26. Мельникова В.С., Напреенко Г.В. Категория сложности юридических терминов: сравнительный анализ интерпретации человеком и искусственным интеллектом // Юрислингвистика. 2025. № 36. С. 23 – 29.
27. Зинковский С.А. Православное богословие личности и проблематика искусственного интеллекта // Христианское чтение. 2020. № 6. С. 10 – 24.
28. Дойч Д. Структура реальности. М.: Альпина нон-фикшн, 2022. 624 с.
29. Будущее искусственного интеллекта. Сборник. М.: Наука, 1991. 301 с.

References

1. Smirnov A.V., Ponomarev A.V., Shilov N.G., Levashova T.V. Neuro-symbolic artificial intelligence in collaborative decision support systems. Artificial Intelligence and Decision Making. 2022. No. 3. P. 36 – 50.
2. Baturin Yu.M. Weaknesses of artificial intelligence and problems of its use in the "legal assistance" program of the Ministry of Justice of Russia. Legal informatics. 2025. No. 2. P. 10 – 15.
3. Shilov N.G., Ponomarev A.V., Smirnov A.V. Analysis of methods of ontology-oriented neuro-symbolic intelligence in collaborative decision support. Informatics and automation. 2023. No. 3. P. 576 – 615.
4. Ignatenko V.V. Extra-legal Features of Evaluative Concepts in Law: A Theoretical and Legal Approach. Philosophy of Law. 2025. No. 2. P. 29–38.
5. Wang W., Yang Y., Wu F. Towards Data- and Knowledge-Driven AI: A Survey on Neuro-Symbolic Computing. IEEE Transactions on Pattern Analyses and Machine Intelligence, 2023, arXiv: 2210.15889v4.
6. Barnes E., Hutson J. Natural Language Processing and Neurosymbolic AI: The Role of Neural Networks with Knowledge-Guided Symbolic Approaches. DS Journal of Artificial Intelligence and Robotics. 2024. Issue 1. P. 1 – 13.
7. Kautz H.A. The Third AI Summer: AAAI Robert Englemore Memorial Lecture. AI Magazine. 2022. Vol. 43. No. 1. P. 93 – 104.
8. Tversky A., Kahneman D. Advances in Prospect Theory: Cumulative Representation of Uncertainty. Journal of Risk and Uncertainty. 1992. No. 4. P. 297 – 323.
9. Kahneman D. Maps of Bounded Rationality: Psychology for Behavioral Economics. American Economic Review. 2003. No. 5. P. 1449 – 1475.
10. Kahneman D. Thinking, Fast and Slow. Moscow: AST, 2014. 653 p.
11. GOST R 71476-2024 "Artificial Intelligence. Concepts and Terminology of Artificial Intelligence" (approved and put into effect by Order of the Federal Agency for Technical Regulation and Metrology dated October 28, 2024, No. 1550-st).

12. Smirnov A.V., Ponomarev A.V., Shilov N.G., Levashova T.V., Teslya N.N. Concept of Building Collaborative Decision Support Systems: Approach and Platform Architecture. *Informatics and Automation*. 2024. No. 4. P. 1139 – 1172.
13. Makovskaya P.N. Principles of Using Artificial Intelligence in Resolving Economic Disputes: From Advisor to "Electronic Judge". *Eurasian Space: Economy, Law, Society*, 2025. No. 10. P. 85 – 90.
14. Smirnov A., Levashova T., Ponomarev A., Shilov N. Methodology for Multi-Aspect Ontology Development: Ontology for Decision Support Based on Human-Machine Collective Intelligence. *IEEE Access*. 2021. Vol. 9. P. 135167 – 135185.
15. Baranov P.P., Ovchinnikov A.I. The Place and Role of Legal Thinking in the Spiritual World of People. *Jurist – Pravoved*. 2000. No. 1. P. 7 – 16.
16. Borulenkova Yu.P. Legal Thinking as an Intellectual Component of Legal Knowledge. *News of Higher Educational Institutions. Jurisprudence*. 2017. No. 2. P. 6 – 41.
17. Borulenkova Yu.P. Information-Interpretation Paradigm of Legal Knowledge. *Russian Journal of Legal Research*. 2016. No. 2. P. 62 – 70.
18. Ovchinnikov A.I., Khakimov I.A. Law Enforcement, Artificial Intelligence, and the Contextual Significance of Legal Principles. *Legal Technology*. 2020. No. 14. P. 481 – 484.
19. Moiseenko A. Artificial Intelligence: Spiritual Challenges. *Theological and Historical Collection*, 2021. No. 4. P. 28 – 36.
20. Tolgurov T.Z., Boziev A.T., Kray K.F. On the Problem of Imitation of Apperceptive Processes by Artificial Intelligence Systems. *Bulletin of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*. 2022. No. 5. P. 81 – 92.
21. Baryshnikov P.N. Connectionist Models of Consciousness: The Scales and Limits of Machine Imitation. *Philosophical Problems of Information Technology and Cyberspace*. 2020. No. 2. P. 42 – 58.
22. Zabezhailo M.I., Borisov V.V. On Interpretations of the Concept of "Artificial Intelligence". *Speech Technologies*. 2022. No. 1. P. 5 – 18.
23. Rybin V.A., Deniskin S.A. The Phenomenon and Concept of Information: An Experience of Interpretation Using the Example of Natural and Cultural Systems. *Bulletin of Perm University. Philosophy. Psychology. Sociology*, 2017. No. 1. P. 5 – 13.
24. Vvedenskaya E. V. Critique of Artificial Intelligence: Philosophical Optics. *Tekhnologiya*. 2025. No. 1. P. 87 – 97.
25. Efimov A.R. Post-Turing Methodology: Breaking Down the Wall on the Way to General Artificial Intelligence. *Innovations. Investments*. 2020. No. 2. P. 74 – 80.
26. Melnikova V.S., Napreenko G.V. The Category of Complexity of Legal Terms: A Comparative Analysis of Interpretation by Humans and Artificial Intelligence. *Jurilinguistics*. 2025. No. 36. P. 23 – 29.
27. Zinkovsky S.A. Orthodox Theology of the Personality and the Problematic of Artificial Intelligence. *Christian Reading*. 2020. No. 6. P. 10 – 24.
28. Deutsch D. *The Structure of Reality*. Moscow: Alpina Non-Fiction, 2022. 624 p.
29. *The Future of Artificial Intelligence*. Collection. Moscow: Nauka, 1991. 301 p.

Информация об авторе

Маковская П.Н., стажер адвоката, Ростовская областная Коллегия адвокатов «Бизнес и право», г. Ростов-на-Дону, ул. Лермонтовская 94/96, makovskaya.polina@yandex.ru

© Маковская П.Н., 2025